

Шпаргалки, написанные справа налево

Как московский филолог Саша Поляна выиграла чемпионат по волейболу

Мир высоких технологий перебрал жанр интервью в виртуальную плоскость. На экране моего компьютера рождаются строчки. В географически неблизкой Москве за дисплеем находится студентка Института стран Азии и Африки Александра ПОЛЯН. Нас объединяют Интернет-зависимость и учебная специализация – иврит и семитские языки. Извольте: девять тысяч печатных знаков о современной российской гебраистике и смежных материях.

Шауль РЕЗНИК

– **Определимся – считаем, что мы, гуманитарии, умеем разве что читать и складно излагать прочитанное.**

– Мой бывший одноклассник сформулировал это всеобщее ощущение так: «Гуманитарий – значит даун». Так вот, мне кажется, что имеет место мифологизация.

– **То есть, вы – не даун?**

– Может, нетипичный гуманитарий? У всех членов моей семьи технические специальности, меня тоже отдали в математическую школу. Я успела увлечься поочередно математикой, географией и биологией, а затем решила, что стану гуманитарием.

С такими планами я и пришла в гуманитарный класс 57-й средней школы города Москвы, а вышла оттуда с желанием стать филологом-востоковедом. Оно возникло после того, как в школе появился кружок по иудаике. Там, в частности, преподавался иврит. Использовала я этот язык как шифр: у меня была целая серия шпаргалок по латинской грамматике, написанных справа налево ивритским алфавитом.

– **Какое совпадение! Я на особом скучных лекциях сочинял стихи по-русски, записывая их арабской вязью. И так, гумкласс – это теплица для профессиональных гуманитариев?**

– Особенность гумкласса заключается не в количестве часов литературы и не в наличии специальных предметов, таких, например, как философия и латынь, а в микроклимате. Его формированию способствовали замечательные педагоги. К примеру, преподавателем истории у нас числился некто Сергей Георгиевич Смирнов. Его девизом было: «Учитель должен знать все, а всем остальным увлекаться», поэтому Смирнов знал все: математику, физику, химию, биологию, невероятное количество языков и так далее.

Очевидно, это переносилось и на учеников. Когда я вытянула билет «Западные соседи Руси до XIV века», он внезапно спросил «Как по-испански будет голубь?» Иногда Сергей Георгиевич приходил в разных ботинках.

– **При таких педагогах-уникумах уровень препода-**

вания была соответствующим?

– Школу я окончила с медалью, а по российским законам медалисту для поступления в вуз достаточно сдать первый экзамен на 5. Я подала документы в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Вступительное сочинение написала без напряга. Единственная проблема, которая меня волновала, была как правильно: «Размышление у парадного подъезда» или «Размышления...»?

Мне поставили четверку, и я подала на апелляцию. Как ни странно, апелляцию удовлетворили. Помню это в подробностях: выкликаю мою фамилию, двигаюсь по направлению к двери, а оттуда выходит гражданка с длинным ножом – оказывается, уважаемая апелляционная комиссия готовилась к банкету и резала закуску.

– **М-да. Кстати, что означает ваша довольно редкая фамилия? И как произносится?**

– Ударение ставится на второй слог, из-за чего меня принимают за армянку. Пару лет тому назад мы с братом параллельно, ничего не зная о замыслах друг друга, отправили запросы на сайт Jewish.Ru в рубрику «Узнай происхождение своей фамилии». Получили разные ответы: я – что фамилия восходит к названию села Поляны, которое находится где-то в Белоруссии, а брат – что к деревне Аполян на Украине. При этом известно, что наши предки жили в Литве.

В школе меня называли по имени и фамилии вместе, поскольку Александров и Александр вокруг довольно много, так что получилось четырехсложное слово с ударением на французский манер: Саша-полян.

– **На кафедре иудаики учатся достаточно подготовленные студенты?**

– Всякие бывают. Вчера, например, сокурсники спрашивали, какая третья буква в слове ТАНАХ, «мицвот» – это где, а девушка слева осведомилась у меня: «Ма-ши-ах – кто вообще такой? Шо, типа нашего Иисуса?»

Девушка справа спросила, правда ли, что современный исследователь Иосиф Флавий написал работу по истории еврейского народа, и стоит ли ее читать. «Может, про иудейскую войну?» – говорю. Сторговались

на «Иудейских древностях».

– **Израильским читателям известно имя переводчика Александра Крюкова, одного из лекторов ИСАА. Кто еще из маститых ученых у вас преподает?**

– Аркадий Ковельман, Виктор Пархомовский, Михаил Селезнев. Курс по экономической географии Ближнего Востока ведет председатель Российского еврейского конгресса Евгений Сатановский. Из израильских специалистов – Велвл Чернин, Елена Римон, Зоя Копельман, Авигодор Шинан.

– **«Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», писал Слуцкий. Сейчас положение изменилось?**

– Гуманитарные специальности кроме прикладных, вроде журналистики и политологии, не слишком престижны и низко оплачиваются. Однако конкурс в гуманитарные вузы в последние годы очень высок. Скорее всего, это связано с модой. Поступить трудно еще и из-за блата – на вступительных экзаменах по литературе, истории и языкам «завалить» абитуриента гораздо проще, чем на математике или химии.

Сейчас весьма популярен термин «образованщина». Это слово вполне характеризует состояние современной русской филологии в России в целом. Очень неутешительно выглядит приближение науки к массам, ее популяризация. Когда я проходила различные собеседования, всегда рассказывала про тему, обозначенную как «Стагнация в русской филологии». И неизменно это имело успех!

– **Поясните.**

– К примеру, современное стиховедение часто ценит академический стиль выше научно-художественного. У некоторых это достигает карикатурных форм, недаром один рецензент назвал работу своего ученого коллеги, цитирую, «пустым называнием привлекательных и мало понятных автору терминов, подобным выкликанью имен древних божеств». А как, скажите на милость, можно расценивать такое, к примеру, высказывание: «В поэзии Брюсова три главных темы: ницшеанская, эротика и экзотика?»

– **Впечатляет. Ну, а личными достижениями на поприще филологии поделитесь?**

– Из наиболее стоящего –

работа «Гоголь и европейский опыт комедии». А сейчас я разрабатываю тему «Бялик и балладная традиция». Вероятно, через идишскую культуру и, параллельно, через творчество Жуковского и Пушкина Бялик мог познакомиться и с немецкими предромантическими балладами. Очевидно, и с западными романтиками был знаком немного. Иначе как объяснить определенное типологическое сходство – сбор фольклора, все эти размышления о надмирной душе?

Кроме того, я преподаю литературоведение в 57-й школе. Недавно побывала наблюдателем на Ломоносовском турнире – это олимпиада для школьников. Проверила взятую домой пачку работ. Один десятиклассник письменно уведомляет: «Я сочинил стих. Всем было плохо. Больше не буду».

– **Напрашивается вопрос о литературных предпочтениях. Российскому читателю от новейших стихов плохо или хорошо?**

– Поэты уже давно не влияют на массы. Скажем, студенты гуманитарных вузов предпочитают Сорокина, Акунина, Пелевина, Сашу Соколова. Поэта – ни одного. Сейчас в поэзии нет единства, много групп, которые по-разному самоутверждаются.

Пожалуй, популярнее других Кибиров и Пригов. Кибиров охотно декламирует в клубе «О.Г.И.» маргинальные вирши «Крикнул ворон: «Nevermore!» Фигушки – Forever!» А Пригов несколько лет назад засел за проект – написать к эзному году 24000 стихотворений. И тот, и другой предчувствуют свой закат.

– **«Я Евгений, ты Евгений, я не гений, ты не гений».**

– Может, есть в России и настоящие гении эпохи, но о них никто не знает. Литература интересует современное общество только как поставщик скандалов, поэтому история с Сорокиным и «Идущими вместе» весьма симптоматична.

– **Принято считать, что Россия все еще литературоцентрична.**

– Литературоцентричности как таковой нет. В метро публика разгадывает кроссворды или рассматривает глянцевые журналы. Если читает книжки, то, скорее всего, какую-нибудь Маринину. Интеллигенция выбирает себе одного-двух писателей и

разговаривает о них. То, что называется литературным бомондом, представляет собой несколько десятков экзальтированных писателей, поэтов и филологов.

– **Вы-то сами кого из поэтов цените?**

– Ломоносова, Державина, Кантемира. «Не писав, летящие дни века проводить, можно и славу добыть, хоть творцом и не слыти».

– **А еще что любите помимо литературы? Молодому ученому полагается иметь хобби.**

– Обожаю коллекционировать разные объявления, вывески, ценники с опечатками и ошибками. Коллекция у меня уже довольно большая, добытый самым маргинальным способом экспонат – ценник, украденный в тверском супермаркете. Я зашла в местный – как это на иврите? – «Коль-бо» и увидела мягкую игрушку... нечто среднее между обезьяной и Големом, в темных очках и юбочке из банановых шкурок. На это создание был наклеен ценник: «Петя Кантроп!» Я не могла устоять: попросила подружек прикрыть камеру наблюдения, а сама оторвала дивную бумажку.

Вот еще примеры. Объявление в газете: «П-сь с офицером». Из статьи: «В этой биографии много географии». «Остекление алюмином и деревом» встречается вообще сплошь и рядом. Около метро «Академическая» висит большой щит: «Максим Галкин. Юбилейная программа: «А мне 26!» Друзья поздравляют юбиляра». Понятно, каждый год за юбилейный... И, наконец: «Чтоб счастьем накопиться сны, купите мебель из сосны».

Кроме всего прочего, люблю играть в волейбол. В ИСАА я записалась в соответствующую секцию.

– **Возвращаясь к началу беседы, вынужден констатировать: вы – нетипичный гуманитарий.**

– Спортивные пристрастия у меня еще со школы. В 11-м классе наш класс выиграл чемпионат по волейболу. Победа была подкреплена моим сломанным пальцем, средним на правой руке. Гипс выглядел импозантно.

А сегодня объявили, что в пятницу я должна бежать кросс за честь факультета. За что, боги мои, за что?!